

Глава 38. Умный совет дорожке верёвки.

В Арылахскую школу приехал заведующий районным отделом народного образования Кирилл Сантаевич Платонов.

Со здоровьем у старика было худо, все знали, что из райцентра он выезжает лишь при крайней необходимости, и если появился где в школе, одно это уже много значило.

Воротник рубашки подпирал щёки Платонова, он был похож на бульдога. Первое впечатление: развалина, ему бы уже в лучший мир готовиться или на пенсионный покой. Однако тот, кто подумает о завроно так, очень и очень ошибётся. Ни болезнь, ни малоподвижность не мешали Платонову быть хозяином строгим и уверенно держать в узде учителей района. Мало выезжал, да видел любого насквозь.

Грубоватая прямота его — Платонов мог и прикрикнуть, и оборвать на полуслове, — не означала жёсткости характера. Не этого побаивались, а его пронизательности. Какой-нибудь директор школы живёт от райцентра за тридевять земель, не видится с Платоновым по полгода, а Платонов будто вчера с ним чай пил... И боялись, и уважали: старый человек зря свой хлеб не ест, с ним действительно можно было всерьёз поговорить о деле. Прямота вместе с таинственным «всезнайством» создавали заведующему репутацию хозяина, который знает, что делает.

Возле Платонова хоть плачь, хоть танцуй осохай, а будет так, как он сказал. Разревётся иная учительница — успокоит, сам слёзы вытрет. Но у двери всё-таки скажет на прощание: «Вот мы, значит, и решили, дорогая моя...» И всё тут.

После такого предуведомления легко понять, как необычен был в его практике случай с Аласовым. Пусть смутьяна и отлучили от учительства, но зловредные семена, им посеянные...

Взгляд хозяина просвечивал каждого из входящих, и никто не оставался спокойным под этим взглядом, даже отважного воина Нахова и того пронял. Василий Егорович невольно поёжился, увидев в учительской тучную фигуру Платонова. Но такой уж был характер у него: устал — прибавь ещё нагрузочки, оробел — лезь на рожон! Гремя протезом, Нахов пересёк комнату, уселся прямо напротив Платонова, откинув ногу и взгромоздив перед собой массивный портфель.

— Заседаем — воду льём? — спросил он громко.

Платонов покосился на него.

Нахов уместился, передохнул и тут увидел под рукой у завроно некогда сочинённое им письмо — то самое, которое было подписано товарищами и заказной почтой отправлено в министерство. Они ждут ответа из министерства, а письмо, оказывается, у Платонова!

Третьего дня Нахов пошёл к Аласову домой, застал его лежащим на кровати, ноги кверху. Читает толстенный том какого-то английского историка о второй мировой войне.

«Ты только послушай, Василий Егорович, какие петли нижез почтенный фальсификатор!..»

«На кой чёрт мне твой фальсификатор! Из здешних бы петель выбрать. Ты что же, Сергей Эргисович? Лежишь преспокойненько, будто не тебя вытурили взащей из школы! Там коллектив бурлит, а ты?»

«И я бурлю. Только что мне делать-то? С топором за Пестряковым гоняться?»

«Не валяй дурака! Знаешь, что обязан делать — ехать в райком, в Якутск. В Москву, наконец».

«Не имею права через голову. Приедет с партконференции Аржаков, вынесут моё персональное дело на бюро, а уж потом, в зависимости от принятого решения... Пока нет Аржакова, остаётся фальсификатора читать. Не волнуйся, Василий Егорович, не всё так уж чёрно. Хоть и уволен, а занятия по истории веду без всякой зарплаты».

Тут Нахов и вовсе рассердился:

«Не хотите ли вы, Сергей Эргисович, пококетничать? Вот я какой святой! Могу и бесплатно учить! Ребята ждут, когда же правда восторжествует. А может, правды-то и нет вовсе? А вам, вижу, плевать на эти ожидания».

Аласов построжал, — видимо, проняла его критика:

«Всё верно, Василий Егорович. Мои шуточки — не от хорошей жизни. Завтра же отправлюсь в район».

— Не пора ли начинать? — завуч постучал по графину. — Пожалуйста, Кирилл Сантаевич.

Платонов трудно, с астматическим свистом дыша, придвинул к себе бумаги.

— Приехал я к вам не мораль читать и не разбирательство вести. Для этого у меня Логлоров есть. Я к вам по-товарищески, поговорить хочу, посоветоваться. Умный совет в дороге верёвки дороже...

Часто делая паузы, он заговорил о том, что Арылахская школа в республике — флагман педагогического дела. Но красивое яблочко изнутри оказалось червиво!

Нахов поискал глазами Кубарова: как бы директора от такого сравнения удар не хватил! Но Фёдор Баглаевич сидел с безучастным лицом. Сидел он на краешке стула, стопку книг на коленях держал: представься случай, и тут же улизнёт.

Между тем Платонов перешёл к существу, заговорил о мотивах, вызвавших приказ по роно относительно Аласова.

— Приказ-то мы слышали, а понять его по сей день не в силах! — кинул реплику Нахов.

Теперь Платонов обратил на него внимание. Замолчал, исподлобья добрую минуту созерцал физиономию возмутителя.

— Да, товарищ Нахов, именно вы-то и не поняли ничего, — сказал наконец завроно, за уголок приподнял письмо, заглянул в конец и, будто впервые, с недоумением перечитал подписи: — Нахов, Халыев, Унарлова, Сектяев, Пестрякова. Н-да... Товарищи на товарищей... Даже трудно сказать: кого в нашем обществе может порадовать такое ледовое побоище — между своими же...

— Если так рассуждать... — Сектяев с досадой махнул рукой и отвернулся.

— С высоты взгляд! — поддержал его Нахов. — Глобальный, так сказать... Очень выигрышная позиция: изрекает истины, и никаких доказательств.

Платонов очень спокойно выслушал Нахова: склонил седую голову набок, пожевал губами.

— Есть тут подпись и Степаниды Хастаевой. Она тоже записалась в критики. Есть ещё Кустурова... Саргылана Тарасовна, так, кажется? Вам, Саргылана Тарасовна, я одно бы сказал: начинать педагогическую карьеру с писания доносов... Плохо у меня укладывается в голове: кляузник и педагог...

Платонов помолчал, выпил воды, опять стал листать письмо, но потом, словно отряхивая руки, бросил листки в общую папку.

— Миную инстанции, сразу подавай им министра! Но мы хоть и малые власти, а ещё не упразднены. И мы своим, пусть малым, но всё-таки авторитетом хотим внушить: пожалейте школьников. Подписывая это бесстыдство, ответили ли вы сами себе — чего хотите? Развала школы или её укрепления? Хотите провалить работу в самую ответственную пору? Давайте подумаем обо всём этом сообща, хочу вас послушать

Некоторое время учительская безмолвствовала. Тимир Иванович машинально позвякивал по графину, потом спохватился: «Итак, кто будет выступать?»

Молчание было добрым знаком для завуча — не кинулись с криком. Нахов так и застыл притихший.

Тимир Иванович скользнул взглядом к окну, где устроилась Надежда. Сидит спокойная, с иллюстрированным журнальчиком на коленях, никаких признаков смущения. А ведь тоже подписала!

Теперь, когда письмо вернулось назад, Тимир Иванович прочёл его — донос был составлен со знанием дела. Не было человеческого греха, какого бы не навесили эти субчики на завуча. Нет, жаль, что Платонов из-за деликатности

обошёл Надежду в своём выступлении. Дал бы ей припарку, может, пришла бы в чувство!

Он всё ждал, знал, что она вернётся... Пытался подстеречь её одну, поговорить, однако напрасно. По слухам, живёт у Хастаевой, подыскивает квартиру...

— Так кто же, товарищи? Давайте начинать, — сказал Тимир Иванович и вперил взор в Кылбанова.

— Слово имеет Аким Григорьевич...

Кылбанов, умная голова, сделал точный ход. Он не стал распространяться об Аласове. Он закреплял успех и потому взялся за Нахова.

— Человек, не знающий никакой узды! Сколько ещё потакать ему? Сколько он будет прикрываться своей инвалидностью?..

Послышался ропот, Тимир Иванович поспешил на помощь оратору:

— Тише, товарищи. Каждому будет дано слово.

Кылбанов продолжал:

— Кирилл Сантаевич призвал нас к честному разговору, и это хорошо... Так вот, нам давно бы надо присмотреться, какие умонастроения у педагога Василия Нахова. Его послушать, так руки опустишь. Были мы осенью все вместе на охоте... Я ведь хорошо помню, Василий Егорович, какие ты разговорчики тогда вёл. И все, видимо, помнят, могут подтвердить...

— Что подтвердить?

— А то! «В газетах одно пишут, а на деле другое...» Говорил? Говорил! А о возможности построения коммунизма? Таких пораженческих идей я ещё не слыхивал. А я вам говорил и сейчас скажу, уважаемый Нахов: коммунизм в нашей стране будет построен, и в самые сжатые сроки!..

Трибун! Тимир Иванович поощрительно кивнул Кылбанову. Действительно, чему могут научить молодёжь пораженцы вроде Нахова? Однако собранием надо руководить. Сейчас Сосин, потом... Чёрт возьми, Нахов уже встаёт. Он уже говорит!

— Пусть скажет... — прохрипел рядом Платонов. — Так как вы изволили выразиться, Василий Егорович?

— Я изволил выразиться, товарищ заведующий роно, что не наше письмо было бесстыдством, а скорее, ваша речь. И всё, что здесь происходит!

— А что здесь происходит? Происходит демократическое, свободное обсуждение, где каждый и любой волен сказать всё, что считает нужным.

— Вот именно, — кивнул Нахов и замолчал, уставясь себе под ноги. — Меня одно смущает. Как-то всё ловко у вас получается — вроде бы действительно демократично... Но вот в письме затронуты большие проблемы, а о них ни слова, всё свелось к проработке жалобщиков. На учителя Аласова

льют грязь, однако в его отсутствие. Так не пойдёт! Мы добьёмся, чтобы наше письмо поставили на широкое обсуждение. Да, товарищ Платонов, не смотрите на меня так... А те, кто организовал травлю коммуниста Аласова, ещё ответят!

Тимир Иванович изучил повадку буяна: начал горячиться, сейчас пойдёт чесать, сам себе на язык наступая, наговорит глупостей и дерзостей. Ну конечно! Грозит, что и на министерстве не остановится, до Москвы дойдёт... Ага, пытается взять себя в руки. Но слова, помимо Нахова, вылетают из него, как шрапнель. Бедняга, тебе бы у Кылбанова поучиться.

— Нет, Аким Григорьевич, я не сомневаюсь, что коммунизм будет построен. Но при условии, если сумеем убрать с пути брёвна, вроде вас, Кылбанов! И иже с вами... Иначе никак нельзя!

В этом месте было бы уместнее всего лишить Нахова слова за оскорбление товарища. Тимир Иванович поднялся, но Платонов, изображая либерала, снова остановил его: «Пусть говорит».

— Много чудес повидал я в этом среднем мире... — Нахов усмехнулся, заговорил тихо, как бы через силу. — Но никогда не предполагал, что придёт время и Аким Кылбанов будет учить меня патриотизму. До слёз смешно... Ты помнишь, Аким, летом сорок первого, перед самой войной?..

— Не ври! — закричал Кылбанов. — Грязная твоя ложь...

— Какая же ложь? Чего ты авансом-то отпираешься, я ещё не сказал ничего. Так вот, жили мы в одном общежитии. А тут война. Конечно, большинство сразу же в военкомат, все военнообязанные — куда нам ещё? Только Кылбанов не пошёл в военкомат. Он бегом в наркомат просвещения и к вечеру уже был с назначением — преподаватель на Крайнем Севере. Оттуда в армию не призывали. На радостях выпил хорошенько... Помнишь, Аким, что ты мне тогда сказал?

— Прекратите сейчас же, Нахов! — возмутился Тимир Иванович. — Пересказывать какие-то пьяные разговоры столетней давности... Стыдитесь! Мы все знаем о вашей заслуженной инвалидности, о вашем протезе....

— Что-то вы подозрительно часто стали запинаться о мой протез... — отвечая завучу, Нахов продолжал неотрывно смотреть на Кылбанова. — Я тебя, Аким, потом не раз вспоминал! И на Дону. И на Западной Украине. Всё думал: как же все они, вот такие, будут дальше жить? Эти кылбановы... Как в глаза будут нам смотреть после войны? А оказалось куда как просто. Вернулся Кылбанов с Севера раздобревший да с деньгами. Нас, серых, которые на войне поотстали от наук, стал носом тыкать, патриотизму учить. Ах ты червь навозный! Да откуда тебе знать, как на самом деле Родину любят!

Тут и Платонов не выдержал:

— Хватит, Нахов, хватит. Не об этом сейчас речь...

Нахов заковылял почему-то не к своему месту, где оставил портфель, а в дальний угол. Большой и нескладный, он невпопад хватался за спинки стульев. Мокрое от пота лицо его исказилось гримасой.

Тимир Иванович был доволен оборотом дела: вместо того, чтобы говорить по существу письма, Нахов весь порох растратил на воспоминания, с комичным жаром стал доказывать Кылбанову свой патриотизм.

К сожалению, кое на кого выступление Нахова произвело впечатление. Учительская провожала инвалида сочувственными взглядами. Нужно было выпускать кого-то из своей гвардии. Тимир Иванович поискал глазами Сосина — Роман Иванович, оказывается, сидел уже наготове.

— Можно мне высказаться? — и трогательно смутился, как девочка.

— Пожалуйста, пожалуйста, Роман Иванович, — поспешил ободрить его Пестряков. — Выходите сюда, Роман Иванович... Тише, товарищи! Послушаем одного из самых уважаемых наших учителей...

На всех прежних собраниях и педсоветах шпыняли несчастного Романа Ивановича и в хвост, и в гриву, кому не лень. Сам Пестряков не раз скакал на этой лошадке. Но тут даже Сосин своим умишком смекнул: сегодня не до него, сегодня бьют других. «Один из самых уважаемых учителей...». Бедняга даже покраснел от неожиданности.

Сосин начал плести свою речь старательно, только бы понравиться завучу и завроно — у Тимира Ивановича даже во рту кисло стало. «На все сто процентов одобряю и подписываю... Конечно, и раньше у нас в школе бывали мелкие неприятности, это даже дома в семье бывает... (Посмотрел на свою любезнейшую, на Акулину Евстафьевну.) Но тут — стыд и позор... Кто во всём виноват? Аласов во всём виноват. Совершенно неподходящий для учителя человек... (Дьявол тощий, двух слов связать не может! Косноязычная скотина!) А то что получается — мнит себя как пуп земли... Всеми командует! Даже вот к жене моей, учительнице начальных классов Сосиной, пристал как с ножом. Спрашивает: читала какой-то там журнал и какими материалами пользуешься? Да какое твоё дело, суёшь нос везде! Ты такой же рядовой, как и я, а я же не вмешиваюсь... А теперь понимать я стал: этот Аласов, оказывается, на место Тимира Ивановича прицеливался, потому уже и вообразил себя командиром... Хорошо, что раскусили его на все сто процентов наши уважаемые руководители... (Так и сказал — «раскусили наши уважаемые», Платонов при этих словах только головой качнул.) Поэтому я приветствую на все сто процентов насчёт Аласова... (От такой необычно длинной речи язык у Сосина стал заплетаться, эти «сто процентов» висели на нём, как гири.) Да и Нахов тоже... Э, да ладно, не буду про Нахова...»

Не кончив, Сосин рухнул на свой стул.

— Вы уж доскажите свою мысль, Роман Иванович, — мягко посоветовал Пестряков. — Когда же и вылить всё наболевшее, как не сегодня?

— Да этого Нахова вообще надо упечь в особое место!

— Дайте мне слово! — поднялся Сектяев.

— Я раньше просила... — Стёпа Хастаева тоже тянет руку, лицо у неё красное и злое.

— И мне тоже!..

Чёрт бы побрал Сосина — после его коровьей речи каждый почувствовал себя Цицероном. Где Тимиру Ивановичу взять против скандалистов нужных ораторов? Паршивка Белолобская отводит глаза в сторону — определённо струсил.

Всё-таки Платонов не сумел приструнить крикунов, развёл либерализм. Если сегодня возьмут верх скандалисты, то обстановка в школе станет ещё хуже. Иногда подкатывает даже такое — плюнуть бы на всё! Крикнуть им всем — и Нахову, и Платонову, и Кубарову: «Пошли вы все знаете куда! Живите тут, как хотите, без меня!» Оставить бы их с разинутыми ртами, а самому сесть в самолёт да зафитилить куда подальше. Заслуженный учитель, где-нибудь да пригреют. Только вот дети! А Надежда? Сидит вон у окошка, склонила голову. Белая шейка, нежный пушок... По утрам её протяжный грудной голос: «Ти-им, завтрак готов...» Он выходит и, прежде чем сесть во главе стола, целует эту шейку. «С добрым утром, моя дорогая».

Тимир Иванович чуть не застонал при этом воспоминании. Нет, проклятые, этого я вам не отдам! Ты ещё увидишь, Надюшка, мою победу!

Кто знает, может, это раздумье о сокровенном не заняло у председательствующего и малой секунды. Однако недаром говорится, что на войне и секундное промедление опасно. Пока Тимир Иванович мешкал, Стёпа Хастаева, воодушевлённая примером Нахова, сама, без разрешения, взяла слово — плевать она хотела на всех председательствующих!

— Хоть Кирилл Сантаевич и считает, что я должна помалкивать, но я всё-таки скажу.

И Стёпа сказала. Только одна она, бесшабашная голова, могла отчаяться на такое. На общем учительском собрании, в присутствии высокого районного начальства закатить речь в защиту Аласова!

— Эх вы, люди! Появился наконец в нашем монастыре человек, которого на руках бы носить: умница, свежий взгляд на всё. Он наши «проценты» высмеял, — но мы-то, как сами не видели раньше! Будто дятлы, выколачиваем на уроках цифирь для рапортов — всеми правдами и неправдами. А он о настоящих знаниях заговорил! О людских душах, какие растим! Чёрта в тех процентах (Тимир Иванович позвенел о графин), если при этом мальчишек

обыскивают в классе, обращаются с ними как с малолетними правонарушителями! А с учителями у нас лучше обращаются? Любая живинка в преподавании — уже ты на подозрении. Хорош тот учитель, который как автомат действует, как солдат по казарменному уставу. А Сергею Эргисовичу даже представить дико, что так можно жить в школе! Об этом он и заявил во весь голос! Он ведь от чистоты своей, не ради корысти — потому что не может иначе! И что же, думаете, мы ему кинулись на шею?

— Не скажите, Стёпа! Кое-кто и на шею кидался! — ловко вставил Кылбанов.

Хастаева словно в стену врезалась на полном скаку — недоумённо посмотрела на Кылбанова, соображая. Пересилила себя, решила всё-таки презреть прозрачный намёк. Стала продолжать своё.

— Сегодня слушаем Сосина, его бессмыслицу. Дикость: Кылбанов учит Нахова, как быть патриотом. Сосин решает судьбу Аласова. «На все сто процентов согласен...» (Пестряков, уже не переставая, звенел по графину.) Чем же этот бедняга может сравниться с Аласовым? Знаниями? Культурой? Педагогическим мастерством? Да когда же возьмутся за ум и очистят советскую школу от сосиных?

— Одних Аласовых оставят!

— Да, Аласовых — умных, людей с чистым сердцем...

— Ай да Степанида Степановна, какой восторг! — осклабился Кылбанов. — Недаром на одном-то возу под сеном.

Докончить фразу ему не пришлось. Хастаева кошкой метнулась к нему и с размаху, что было сил, отвесила такую пощёчину, что даже Тимир Иванович отшатнулся.

— Хастаева!!

Едва не опрокинув рассеившуюся в проходе старушку — учительницу пения, Степанида выскочила из учительской.

Шум поднялся невообразимый — ничего подобного на педагогических собраниях до сих пор ещё не было.

— Смотрите, смотрите! Все видели? Все будьте свидетелями, я на неё в суд подам!

— Несчастный! Получил, что причиталось, так сидел бы уж! — Это Надежда брезгливо скривила губы. И она не удержалась, своё слово вставила.

— Кылбанов, пиши меня в свидетели. Когда тебя за оскорбление женщины будут судить, я первый выступлю...

— Я так не оставлю!

— Но Хастаева тоже: «Ах, Аласов, ах, ангел!»

— Тимир Иванович, ведите, пожалуйста, собрание!

— Да дайте же мне слово наконец!

— Левина на вас нету! Видел бы старик этот позор...

— К порядку, товарищи!

Ах ты разнесчастливая Стёпа, что наделала, что сотворила... Не знаешь, куда глаза от стыда девать. А что она тут про Аласова молола! Всё мероприятие загубила, превратила собрание в базар... Теперь вот, отпихивая друг друга, все рвутся выступать: Сектяев, да Халыев, да эта девчонка Саргылана Кустурова — все!

Увидев, что собрание пошло прахом, Платонов взял бразды в свои руки.

— Дела в педколлективе на грани катастрофы, я в этом убедился. Мы в роно подумаем... А сейчас, пожалуй, разумно кончить. Закрывайте собрание, Тимир Иванович...

И стал укладывать бумаги в папку.

— Лира! — крикнул Тимир Иванович вглубь квартиры, пропуская вперёд Платонова и Кубарова. — Прошу, товарищи, раздевайтесь.

Из комнаты вышел маленький Локут, замурзанный, пальцы в чернилах.

— Где Лира, сынок?

— Ушла Лира... С девчонками, в больницу.

— Ужин варила?

— Варила. Я ел уже.

— Хорошо, сыночек, иди продолжай... В той комнате... Сюда проходите, товарищи. Фёдор Баглаевич, чего вы будто гость заморский? Прошу попростому. Хозяйки у меня теперь нет...

Неловко управляясь с посудой, Тимир Иванович накрыл на стол.

Ещё полгода назад можно ли было представить Тимира Иванoviча в такой вот странной роли? В неприбранной, плохо натопленной квартире он накрывает на стол, пыхтя и потея, достаёт горшки из печи, орудует поварёшкой. Разлив суп по тарелкам, хозяин стал было выставлять из буфета рюмки, но Платонов удержал его:

— Не надо мне, Тимир Иванович. Да и вам, думаю...

Тимир Иванович послушно закрыл буфет. Некоторое время ели суп молча. Опорожнив свою тарелку, Платонов загородил её ладонью: спасибо. И закурил папироску.

Разговор, можно было понять, предстоял не из приятных. Платонов не стал ходить вокруг да около:

— Кошмарный день, други мои... Но не буду о минувшем, хочу о завтрашнем. Как же вы дальше-то собираетесь жить и работать?

Фёдор Баглаевич, тоже задымивший, пожал плечами.

— Как собираемся? — ответил Тимир Иванович. — Как работали, так и будем работать.

— То есть без оглядки до самой пропасти? Кстати, до пропасти — рукой подать. Это надо же суметь — восстановить против себя весь коллектив!

— Почему весь? Вы же видели по выступлениям...

— Тимир Иванович, давайте серьёзно! Я ещё никому не давал повода считать себя дураком... Будто я не знаю настоящую цену Кылбанову или этому вашему «уважаемому педагогу»... Кстати спросить, почему вы и в самом деле не поставите вопрос — способен ли Сосин заниматься педагогической деятельностью?.. Почему умница Майя Унарова или серьёзный человек Халыев — они против вас, а вот Сосин — за вас? Не кажется ли вам красноречивым уже само это размежевание? Как это могло случиться?

— Аласов, всё он, — ответил Пестряков. — А наша вина, что долго в обороне сидели.

— А вы, Фёдор Баглаевич, как мне объясните?

— Виновных ищите, Кирилл Сантаевич? Так завуч уже ответил вам.

— Хорошо, предположим, Аласов бесчинствует. Но где вы-то были? И вообще, уважаемый Фёдор Баглаевич, как понимать ваше поведение? Отказались вести собрание, при обсуждении молчали, будто посторонний. И сейчас разговариваете, простите, через губу. Вы что, перессорились тут между собой?

Фёдор Баглаевич, отложив трубку, посмотрел на Платонова в упор.

— Если о виноватых, так тут, наверно, больше всего ваша милость виновата, Кирилл Сантаевич...

— Ого!

— Было у нас плохо, а ваш приказ насчёт Аласова и совсем добил.

— Интересно слышать! Однако приказ явился не сам собой, а по вашему настоянию, товарищи руководители школы! Телефон оборвали, звонок за звонком...

— Я не звонил.

— Может, и не вы персонально. Но Тимир Иванович-то не против вашего желания действовал?

— Я не звонил, — упрямо повторил Кубаров.

— Может, и о переводе Аласова в другую школу не вы хлопотали?

— Хлопотал, этого не отрицаю. Допустил грех...

— Грех! — взвился Тимир Иванович. — Слышите, он допустил грех!

На минуту Пестряков стал похож на Кылбанова, даже интонации те же: «Слышите, люди! Будьте свидетелями!»

— Он грех допустил... Удивительно вы вдруг в присутствии завроно заговорили, уважаемый Фёдор Баглаевич! Наконец немного приоткрыли лицо. А то, я гляжу, в последнее время — что-то слишком часто вы спиной ко мне да спиной!

— Только не кричите на меня, пожалуйста, Тимир Иванович.

— Не кричать? Нет, я буду кричать. Хватит! Сколько лет я стелю, а вы полёживаете на всём готовом. Я дерево валю, а вы с него белок собираете? Сколько можно тащить школу на своём горбу, от первого до десятого, от сентября до экзаменов? А вы только и знаете — дровишки да бочки с водой... И это называется директор школы? Вы — завхоз при школе!

— Э... не надо так, — Платонов положил ладонь ребром на стол, словно судья на ринге, разводящий противников. — Не дело, други... Если ещё вам разругаться — тогда совсем пиши пропало. И не в том суть — требовали вы, Фёдор Баглаевич, снятия Аласова или не требовали. Дело сделано, и чего тут вашим головам болеть?

Кубаров отодвинулся вместе со стулом от стола, завернул трубку в мешочек, сунул в карман.

— Кирилл Сантаевич, я на самом деле не могу. Лучше будет, если вы освободите меня.

— Э, совсем плохо сказал! Или дурной сон мне снится? Старый директор обиделся, как девочка, и я должен его уговаривать!

— Кирилл Сантаевич, тут не обида. Я от всего сердца: отпустите Христа ради. Постарел. Устал. Надоело всё смертельно... Если я и прежде всего-навсего завхозом был, то теперь вовсе не потяну. Такой воз нужно вытягивать молодому, энергичному... и образованному.

— Эк, расписал! Такого образцово-показательного директора разве что с выставки я вам выпишу?

— Зачем с выставки? И у самих найдётся. Тот же Аласов.

— Гм... так-так... Посмеяться надо мной решили, Фёдор Баглаевич?

— Нет, я серьёзно. Знаете, Кирилл Сантаевич, чем больше я слышу наветов на Аласова, тем больше убеждаюсь: дали мы тут промашку. Может, сейчас одно нужно — сесть с Аласовым за один стол, поговорить по душам...

— Ах ты иуда! — Пестряков потерял последнюю выдержку. — Вот какой ты, Фёдор Баглаевич: куда ветерок потянул, туда и туманец! Не удивлюсь, если завтра меня продашь!

— Погодите! Однако вы, Фёдор Баглаевич, и в самом деле... — Платонов трудно задышал, вынул пилюльку из кармана, положил под язык. — Как можно Аласова, сегодня кричать «ура» Аласову. Куда это годится, Фёдор Баглаевич?

Но старик словно не слышал поправок. Поднялся из-за стола, встал перед Пестряковым:

— Называешь меня торговцем? Нет, Пестряков, не торговал я людьми.

— Уже торгуешь, старый! Посмотрите на него — и ему хочется полетать соколом! А если я сейчас всё начистоту...

— Не надо, — устало сказал Кубаров. — Не хочу я с тобой, Тимир Иванович. Ни начистоту, никак не хочу. Мне лучше уйти отсюда... Старуха, поди, заждалась, — Кубаров оделся, поклонился. — Всего доброго вам.

И ушёл.

Платонов сосредоточенно мял хлебный мякиш, не глядя на хозяина, бегающего по комнате и роняющего на ходу табуретки.

Сел напротив Платонова, зажал голову руками.

— Что же творится? Как жить, Кирилл Сантаевич?

— Плохое творится... Потому как я сейчас тебе совсем плохое скажу. Когда мы вдвоём — могу себе это позволить... Я ведь, дорогой Тимир Иванович, поддерживаю тебя в этой буче вовсе не ради красивых глаз твоих... И не потому, что считаю тебя правым и безгрешным. Я ведь всё вижу, как оно на самом деле. И если кривлю душой, ради одного — честь школы спасаю... Как пишут в фельетонах — честь мундира. Да, нашего общего мундира, который носим. Болею за общественные интересы, а вовсе не за тебя... А уж ты мне за всё происшедшее ещё ответишь, дай только утихнуть бурям... Я человек прямой, как тебе известно. Потому хочу заранее предупредить, чтобы всё в открытую.

— Ага, — сказал Тимир Иванович и потянулся руками по столу, будто хотел достать Платонова. — Ага, вон как вы все... Добить, значит, Пестрякова решили? Отняли у меня жену, всё разрушили...

— Ладно, друг, успокой нервы.

— Ага! Все на одного!

Из соседней комнаты выбежал перепуганный мальчик.

— Папа! Дядя-а! Папа, не надо!

Пестряков упал головой на стол.

Платонов недоумённо глядел на него.